
**КОНЦЕПТОЛОГИЯ, ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ,
ТЕОРИЯ НОМИНАЦИИ**

CONCEPTOLOGY, LINGUOCULTUROLOGY, THEORY OF NOMINATION

Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 1 (459). Филологические науки. Вып. 127. С. 100—108. ISSN 1994-2796 (print).

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2022;1(459), Philological Sciences, 127:100-108. ISSN 1994-2796 (print).

Научная статья

УДК 811.512.31

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10112

**НАИМЕНОВАНИЯ ИМУЩЕСТВА В БУРЯТСКОМ ЯЗЫКЕ XVIII—XIX ВВ.
(на материале памятника «Обычное право хоринских бурят.
Памятники старомонгольской письменности»)**

Арюна Лопсоновна Брюханова^{1✉}, Екатерина Александровна Бардамова²

^{1,2} Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, Улан-Удэ, Россия

¹ bryuxanowa@yandex.ru ✉

² bardam_k@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению имущественной лексики бурятского языка XVIII—XIX вв. Прослеживается функционирование терминов имущества: *зөөри*, *зэмсэг*, *юумэн*, *бууса*, проводится контекстуальный и дефиниционный анализ. Ядерную зону лексико-семантического поля имущества составляет термин *зөөри*. К околядерной зоне относится термин *зэмсэг*. К наименованиям недвижимого имущества относится *бууса* ‘стойбище, стан’.

Ключевые слова: имущественная лексика, обычное право хоринских бурят, движимое имущество, недвижимое имущество, термины, номадный образ жизни, семантический анализ

Для цитирования: Брюханова А. Л., Бардамова Е. А. Наименования имущества в бурятском языке XVIII—XIX вв. (на материале памятника «Обычное право хоринских бурят. Памятники старомонгольской письменности») // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 1 (459). Филологические науки. Вып. 127. С. 100—108. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10112.

Original article

**PROPERTY NAMES IN BURYAT LANGUAGE OF THE 18—19th CENTURIES
(a case study of “Common Law of the Khorinsk Buryats.
Monuments of the old Mongolian writing”)**

Aryuna L. Bryukhanova^{1✉}, Ekaterina A. Bardamova²

^{1,2} Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russia

¹ bryuxanowa@yandex.ru ✉

² bardam_k@mail.ru

Abstract. The article considers the property vocabulary in the Buryat language of the 18—19 centuries. Traces the functioning of the identified terms of property: *Zөөri* (зөөри), *Zemseg* (зэмсэг), *Yuumen* (юумэн), and *Buusa* (бууса); apart from that the contextual and definitional analysis has been carried out. Due to the nomadic nature of life, the property of the Buryats is understood as the complex of things that can be transported — *Zөөri* (зөөри) derived from the word *zөөhe* (зөөхэ) meaning ‘to carry, to transport’. The authors attribute this term to invariant lexical units. Moreover, in the 18—19 centuries there was a property differentiation, dating back to the gender differences, for example, the term “zemseg” (зэмсэг) was functioning meaning armor, weapons, horse harness, and an instrument that assumed the right of ownership. The names of real estate include “buusa” (бууса) meaning “camping ground”, “nomad camp”.

Keywords: property vocabulary, Customary Law of the Khorinsky Buryats, movable and real property, terms, nomadic lifestyle, semantic analysis

For citation: Bryukhanova AL, Bardamova EA. Property names in Buryat language of the 18—19th centuries (a case study of the “Common Law of the Khorinsk Buryats. Monuments of the old Mongolian writing”). *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;1(459), Philological Sciences, 127:100-108. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10112.

Введение

Сфера имущественных отношений бурят представляет безусловный интерес в плане презентации особенностей быта, хозяйствования, правовых отношений. При изучении лексики, обозначающей предметы материальной культуры и быта прошлого, а также различных терминосистем, относящихся к определенным видам производства и хозяйственной деятельности, необходимо совмещение двух аспектов исследования — лингвистического и культурно-исторического. «Язык можно рассматривать как ключ к изучению правосознания. Взаимосвязь языка, сознания и культуры позволяет использовать лингвистические методы для исследования этнокультурного базиса правосознания» [14]. В. В. Виноградов справедливо полагал, что «История терминологии — это проблема интернациональная, проблема истории мировой науки и проблема истории человеческих цивилизаций, история культурных взаимодействий и группировок народов» [3. С. 10]. По мнению А. А. Дарбеевой, с формированием и развитием литературного бурятского языка связано возникновение и становление терминологической системы бурятского языка. «История развития бурятской терминологии, отражающая процесс становления лексической нормы языка, свидетельствует о характере стабилизации самого литературного бурятского языка...» [8. С. 20]. Терминологии бурятского языка посвящены работы Д. Г. Дамдинова, исследовавшего бурятскую земледельческую лексику [7], У.-Ж. Ш. Дондукова, рассмотревшего историю развития ряда терминов бурятского языка [9], А. А. Дарбеевой, предметом изучения которой послужил процесс формирования смыслового ядра бурятских наименований понятий специальных областей знаний [8]. Имущественная лексика бурятского языка не подвергалась монографическому исследованию. В русистике лексику имущественной сферы в диахроническом аспекте описала К. П. Смолина, используя контекстно-функциональный метод [15], лексико-семантическое поле «Отношение человека к собственности» в русском языке в своем диссертационном исследовании рассматривает

А. А. Едалина [10], описи имущества среднерусских монастырей XVII в. в своей диссертации рассматривал М. Д. Мазурин [13].

Правовому аспекту имущественных отношений бурят посвящено диссертационное исследование Е. С. Гылыковой «Обычное право бурят (историко-правовое исследование)», в котором установлено, что земля не являлась объектом собственности; автор включила в круг имущественных отношений только вещи, деньги и услуги [6. С. 12].

Анализ текстов «Обычного права хоринских бурят» позволяет сделать вывод о том, что в качестве имущественных наименований функционируют следующие лексические единицы — *зэмсэг*, *юумэн*, *зөөри*, *бууса*, реализующие один инвариантный дифференциальный признак обладания чем-либо, отнесенный А. Вежбицкой к семантическим универсалиям [2]. Основанием выборки терминов изучаемой предметной области послужили такие признаки, как общепринятость, соответствие логико-понятийной системе, о которых писал А. С. Герд, касаясь вопроса отбора терминов для лексикографирования [4. С. 24], относительная семантическая однозначность и высокая степень внедрения — признаки, выделенные Д. С. Лотте в качестве критериев специальной лексики [12. С. 31]. Для анализируемых слов следует отметить невозможность установить строго очерченное специальное понятие с его эксплицитно выраженной дефиницией в связи с неразработанностью института права собственности в бурятском обществе того времени. В то же время очевидно, что к этому времени сформировалась имущественная терминология, содержащая в своей семантической структуре представление о ценности предметов обладания. При отборе материала также учитывался принцип системности, учитывающий степень охвата и отражения всей понятийной области, в данном случае правовых имущественных отношений. Данный принцип был подробно описан С. В. Гринев-Гриневичем: по мнению автора, учет степени внедрения обеспечивает полноту словаря [5].

Цель данной статьи — выявить состав имущественной лексики бурятского языка XVIII—

XIX вв. на материале «Обычного права хоринских бурят». Собственно лингвистическая сторона имущественной сферы этнической культуры бурят не подвергалась комплексному изучению. Предметом исследования данной статьи является семантика наименований собственности в бурятском языке XVIII–XIX вв., таких как *зөөри* ‘имущество’, *бууса* ‘усадыба’, *зэмсэг* ‘упряжь, оружие, мелкий инвентарь’, *юумэн* ‘вещи’, манифестирующих в старомонгольских памятниках того времени. Исследование строится на наблюдении над функционированием наименований имущества в бурятском языке, в первую очередь в законодательных сводах, что наряду с фиксированным содержанием, инвариантностью, непротиворечивостью семантики служит признаком их терминологического статуса.

Материалы и методы

Материалом исследования послужил сборник «Обычное право хоринских бурят. Памятники старомонгольской письменности». Данные законодательные акты регулировали общественную жизнь хоринских бурят на протяжении XVIII–XIX вв. В состав данных памятников вошли следующие документы: Указ 1759 г., Уложение 1763 г., Устав 1788 г., летнего среднего месяца 28-го дня, Наказ главного тайши Ширав Дамба-Дугар Ринцено, Согласительный устав 1800 г., Положение 11 хоринских родов 1808 г. по управлению внутренними делами и судопроизводству, Приговор 1817 г. об упорядочении управления внутренними делами 11 хоринских родов, Приговор 1818 г., Приговор от 27 октября 1820 г. о взыскании податей, Уложение 1823 г. 11 хоринских родов, Хоринское положение 1851 г.

В результате сплошной выборки было сформировано лексико-семантическое поле имущества в бурятском языке XVIII–XIX вв., в которое вошли 4 родовых наименования имущества: *зөөри*, *зэмсэг*, *юумэн*, *бууса*.

Зөөри. В бурятском языке XVIII–XIX вв. в связи с актуальностью норм обычного права функционирует *зөөри*, которое выступало в роли терминологического наименования имущества. Установлено, что в «Степных уложениях хоринских бурят» слово *зөөри* функционирует как родовое наименование движимого имущества и представлено в ядерной зоне изучаемого лексико-семантического поля. Данное слово образовано от глагола *зөөхэ* ‘возить, перевозить; таскать, перетаскивать’, и им обозначалось то имущество, которое как предмет собственности следовало

за номадом. Под *зөөри* понималась совокупность вещей, принадлежащих его обладателю, а также скот и переносное жилище кочевника. Осознание имущества как такового у бурят происходило в результате понимания, что собственностью признается та часть принадлежащих кому-либо вещей, которые он способен перевозить с собой от летней стоянки к зимней и наоборот. Для бурят того времени имели ценность вещи, которые они могли увезти с собой.

В семантике слова *зөөри* в современном бурятском языке представлены дифференциальные признаки имущества, специфики имущественных отношений, типов имущества и др. Так, в «Бурятско-русском словаре» Л. Д. Шагдарова, К. М. Черемисова находим, что *зөөри* служит для обозначения государственной, частной и личной собственности, ср.: *гүрэнэй зөөри* — ‘государственные средства’; *социалистическая собственность*, <...>, *өөрын, хубиин, гүрэнэй, муниципальна, кооперативна, хамтын зөөри* ‘личная, частная, государственная, муниципальная, коллективная’ [18. С. 320].

Термин *зөөри* использовался в деловых текстах XVIII–XIX вв. как родовое наименование имущества с инвариантной семой ‘обладания определенной вещью’, напр., в «Уложении 1823 г. 11 хоринских родов» находим в следующих контекстах:

(1) *Аха дүү үгы хубараг хара хэн хүн ондоо нютагай хэн хүндэ зөөри эдүүлхэ гэжэ гэришэ бэшигтэй болбол нютагай ахалагша сэйд мэдэн хэһэн гэришэ бэшиг үгы болбол өөрын гарай бэшиг үгы боложо зөөринь өөрын нютагта абаха. ‘Если хуварак или человек у которого нет родственников, оставил в наследство имущество, которое он имел, человеку из другого места, но не написал письменного подтверждения, с подписью главы отока, то признать данный документ не имеющим законной силы, и данное имущество должны забрать в свой оток. [УХР, 1823].*

Названная ядерная сема служит источником формирования других семантических признаков — ‘владения’ и ‘распоряжения’, последний из которых предполагает, что имущество может быть передано в наследство или отдано в качестве приданого:

(2) *Эсэгэ хүн ехэ хүбүүгээ гэрлүүлээд, үмс зөөри үгэжэ гаргаад бэшиг хүбүүдын гэрлээгүй байтар эсэгэ эхэн наһан болоһоной хойно зөөри үгы үлдэн хүбүүд үгытэйдэ тоологдохо ахайн тэдэниие гэрлүүлжэ болохогүй. Зөөри үгэжэ болохогүй. ‘Если старшего сына женили*

родители и предоставили данной семье имущество, но затем мама и папа умерли, не успев женить других сыновей и не обеспечив их имуществом, то старший брат не обязан помогать им и передавать им имущество' [УХР, 1823].

(3) Эрээ үхүүлэн бэлбээн эхэнэр түрхэмдөө харижа бусаха болбол, анхан түрхэмһөөн ерэхэдээ мори, эмээл, хубсаһа, шэмэгтэй ерэн болбол, моритой, дэгэлтэй, эмээлтэй, хубсаһанһаан һайнишень абажа, зэмсэгтэй бусаха түрхэмһөөн ерэхэдээ морин, эмээл, хубсаһан, зэмсэг үгы ерэн бол, эрынь **зөөри** элбэг байгаа бол моритой, эмээлтэй, үмдэнэн хубсанһаан абаха, зүүжэ ябаһан шэмэгүүдээ абаха **зөөри** үгы байгаа хаань, үмдэнэн хубсаһанһаан абаад, ондоо юумэ абажа болохогүй. 'Если после того, как скончался муж, его жена изъявит желание вернуться к своим родителям, и если на момент замужества у неё было приданое: лошадь, конская упряжь, одежда и украшения, возвращаясь в родительский дом вдове следует забрать с собой лошадь, пожитки, конскую упряжь, по одной лучшей паре одежды. В ситуации если при замужестве не было приданого в виде конской упряжи, пожиток, одежды и если у супруга много имущества, вдова имеет право взять лошадь, конскую упряжь, по одной паре добротной носимой одежды и украшений, но при условии недостаточного состояния у мужа, то за исключением одежды, которую она носит, не должна ничего забирать' [УХР, 1823].

Анализ приведенных примеров позволяет сделать вывод о том, что в правовой практике, нашедшей отражение в «Уложениях 1823 г. 11 хоринских родов», наблюдается дифференциация термина имущества как такового и права владения и распоряжения им. Как видим, сочетания **үмс зөөри** үгэжэ выделители ему имущество, **зөөри** үгэжэ болохогүй не должен передавать имущество демонстрируют правовые отношения владения и передачи имущества.

Следует отметить, в этом и в других примерах **зөөри** употребляется для наименования движимого имущества. Это дает основание предположить существование на тот момент разграничения между движимым и недвижимым имуществом в бурятском обычном праве [1. С. 12], что находит подтверждение в следующем примере:

(4) Эрэгүй гэргэн хүн түрэнэн үриэ түрхэм эсэгийнээ нэрэ дээрэ бэшэхэ, үргэмжишень арбан найман наһа хүрэтэрнь тэрэ эсэгийн даабарида үгэ. Зүгөөр энэ эсэгийн хүдэлхэ ба хүдэлхэгүй **зөөридэ** тэрэ хүбүүн хабаагүй болохо. 'Если жен-

щина не замужем и родит ребенка, то следует записать данного ребенка на имя её отца, и её отец должен заниматься воспитанием ребёнка пока ему не исполнится 18 лет. Однако, этот ребенок не может претендовать на движимое и недвижимое имущество отца.' [УХР, 1823].

Зэмсэг в бурятском языке актуализирует наименования мелкого движимого имущества.

В документах обычного права бурят XVIII—XIX вв. прослеживается определенное разграничение движимого имущества. На этом основании чрезвычайно ценные в быте и культуре бурят того времени убранство верхового коня, конская упряжь, используемая как часть приданого, обобщенно называются термином **зэмсэг**:

(5) Эрээ үхүүлэн бэлбээн эхэнэр түрхэмдөө харижа бусаха болбол, анхан түрхэмһөөн ерэхэдээ мори, эмээл, хубсаһа, шэмэгтэй ерэн болбол, моритой, дэгэлтэй, эмээлтэй, хубсаһанһаан һайнишень абажа, зэмсэгтэй бусаха түрхэмһөөн ерэхэдээ морин, эмээл, хубсаһан, зэмсэг үгы ерэн бол, эрынь **зөөри** элбэг байгаа бол моритой, эмээлтэй, үмдэнэн хубсанһаан абаха, зүүжэ ябаһан шэмэгүүдээ абаха **зөөри** үгы ... 'Если после того, как скончался муж, его жена изъявит желание вернуться к своим родителям, и если на момент замужества у неё было приданое: лошадь, конская упряжь, одежда и украшения, возвращаясь в родительский дом вдове следует забрать с собой лошадь, пожитки, конскую упряжь, по одной лучшей паре одежды. В ситуации если при замужестве не было приданого в виде конской упряжи, одежды, скарба ...' [УХР, 1823].

Как видим из примера (5), имущество, которое обозначается словом **зэмсэг**, могло передаваться в качестве приданого и оставалось собственностью женщины, на которую она имела полное право владения. Обращает на себя внимание тот факт, что контексты с **зэмсэг** актуализируют не только идею имущественной и гендерной принадлежности, но и имплицитно отсылают к социальному статусу, материальному благосостоянию, социальным обязанностям (например: быть призванным участвовать в военных действиях).

Обозначение предметов движимого имущества **зэмсэг** стилистически нейтральное, в современном бурятском языке уже не употребляется в значении родового наименования движимого имущества. Это связано с изменением жизненного уклада людей — исчезновением кочевничества, появлением нового способа хозяйственной деятельности с использованием

высокотехнологичной техники и интенсивного производства, в котором конная тяга вытесняется сельхозмашинами.

Юумэн. Юумэн ‘вещь’ — наиболее частотное наименование имущества в «Обычном праве хоринских бурят», это связано с общим положением, что именно вещи как предметы материального мира, представляющие ценность, в первую очередь выступают объектом имущественных отношений. В контекстах с юумэн владение вещью предполагает возможность ее перемещения наряду с другой собственностью номада, распоряжения ею в соответствии с принятыми правовыми нормами.

Данное слово в бурятском языке многозначно: 1. Вещь, вещи, имущество, пожитки. 2. употр. в знач. мест. что-то, что-нибудь, нечто; иногда все, с отриц. Ничто. 3. Употребляется как слово-заместитель. 4. Употребляется для обозначения предмета или явления, о котором идет речь. Общая сема, которая объединяет все данные значения ‘вещь, предмет’. Как видим, семантика бурятского слова юумэн предельно широка и в высшей степени динамична.

(6) *Эрэ эмэ хоёр хайн ябаха сагтаа угыроод, эмын эмээл, хазаар, хоолобшо, алибаа юумые худалдажа эдеэд, хүүлээрнь эрэнъ эмэээ хаябалнь, эмын түрхэмүүд нэхэхэ эрхэгүй. Эрэ эмэ хоёр сугтаа эдihэн тула нэхэхэ эрхэгүй. Харин эрын эмэтэйгээ халаха үедэнь булта юумэнэй эдигдээ, худалдагдаа болбол, эрэнъ юумэнэй үнөөрнь түлэжэ бусааха ёһотой. Хэрбээ эрэ эмэээ хаябал, тэрэ эмэээ байһан энжэ, тоног, хубсаһатайнь бусааха ёһотой. Эмэээ хаяһан хүн малаар энжэшье, түлөөһэшье абаха ёһогүй. ‘Если муж и жена, во время семейной жизни обедают, продадут конскую упряжь, украшения и прочее имущество жены и на эти деньги будут жить, а затем муж уйдет от жены, то родственники жены не должны требовать назад эти деньги. Они должны не требовать деньги потому, что жена и муж вместе эти деньги тратили. Если же они продадут имущество жены тогда, когда муж уходил от супруги, то супруг обязан заплатить. В том случае, если супруг хочет развестись с женой, то обязан отправить супругу пожитками и одеждой, которыми она владеет. Если муж покинул жену, то не может брать скотом ни андзу, ни выкуп’* [У, 1788].

Понятие юумэн ‘вещь’ сформировалось в результате осмысления вещи как рукотворного предмета, имеющего ценность, способного вы-

ступать предметом наследования, дарения и пр. Дальнейший путь семантического развития слова шел по пути семантического перехода *конкретное* → *абстрактное*. В уложениях хоринских бурят юумэн используется для обозначения правовых имущественных отношений и служит для обозначения конкретных вещей, находящихся в собственности. Сочетание *юумые худалдажа* (продавать имущество, пожитки) показывает нам, что в данном случае юумэн выступает в значении движимого имущества, которое можно продавать или передавать.

Бууса. В бурятском языке исследуемого периода наблюдается формирование специального понятия недвижимого имущества, актуализируемого термином *бууса*. Слово *бууса* в бурятском языке XVIII—XIX вв. употреблялось для обозначения недвижимого имущества — земельного участка под пастьбу.

(7) *Хэн хүн альба бууса болон үбһэн талханай модни хэн хүн абаишэжэ эб дэжэ түлэжэ орхибал түлэжэ үгэхэ тэрэ хуни бурагаһаар сохихо. ‘В случае, если кто бы то ни был возьмет что-то на чужой усадьбе или из хлебной или покосной городьбы, затем уничтожит, он обязан покрыть. К тому же, виновного человека должны наказать розгами’* [ПХР, 1808].

Земля являлась одним из видов недвижимого имущества в имущественном праве бурят в силу распределенного права кочевников на земельные наделы, которые находились в родовой собственности и использовались для удовлетворения хозяйственных потребностей. Так, Б. Ц. Жалсанова и Л. В. Курас справедливо полагают, что «Земли общества распределялись следующим образом: часть назначалась для общественных пастбищ, остальная удобная земля делилась между сородичами по числу рабочих душ для покосов, пашен и стойбищ» [11. С. 11]. Бурятский язык XVIII—XIX вв. демонстрирует этноспецифическую дифференциацию движимого и недвижимого имущества. К объектам недвижимого имущества буряты причисляли в том числе ту собственность, которую нельзя было передавать в собственность другому в обладание и использовать в силу определенных представлений, касающихся религиозных предпочтений. Так, нельзя было изъять и предоставить другому человеку статуэтки бурханов, священные книги и их обложки, которые представляли ценность для его обладателя.

(8) *Хэрбэээ хэн хүн уялга бэишэ болон гардаамалтай хэн хүнһөө мүнгэ ба али бэишэ*

юмэ абаад түлэжэ болохо шадалтай зөөритэй байгаад зорюутаар үгын үгы зөөрии нюужа даража байһанинь мэдэгдэбэл тэрэнэй гардаамал абажа байгаад тэрээгээр гэршэлүүлэн али байха зөөриень бэшижэ абалха: бурханай ном болон дансын зүйлэй үнгын тоног <...> 'Если кто взял в долг имущество или деньги у другого человека и написал расписку, затем если у него имелось достаточно денег, чтобы покрыть долг, намеренно будет избегать оплаты, утаив свои деньги или имущество, и это вскроется, то в присутствии его поручителя в качестве понятия все его имущество, не включая бурханов, священных книг и их оберток, <...>'

Результаты

Анализ языка исследуемых источников «Обычного права хоринских бурят» позволил сформировать лексико-семантическое поле имущества в бурятском языке XVIII—XIX вв., в которое вошли 4 термина *зөөри*, *юмэн*, *зэмсэг*, *бууса*. Установлено, что ядерную зону исследуемого лексико-семантического поля занимает лексема *зөөри*, основанием является частотность воспроизведения, однозначность, выводимость общего значения, нейтральность и гиперонимические свойства. На основании функционирования и внутренней формы слова можно заключить, что формирование понятия обусловлено номадным видом хозяйственной деятельности, в условиях которого буряты осознают имущество как собственность, необходимую при кочевом образе жизни: скот, домашний скарб, жилищные постройки (юрта) и пр. Выявлено, что категориальным семантическим признаком данного имущественного термина являются 'обладание'. В материалах обычного права бурят отразилась специфика этнических имущественных отношений, так, например, к отдельному виду имущества причислялось *зэмсэг*: оружие, конская упряжь, наличие которого определяет уровень материального благосостояния обладателя, социальный статус и пр. Наблюдение над употреблением *зэмсэг* в памятниках старомонгольской письменности дает основание отнести термин к околядерной зоне. Гиперсема 'владение' в семантической структуре термина уточняется в аспекте ценности, возможности дарения, наследования. На периферии лексико-семантического поля представлен термин *юмэн*, эксплицирующий представление о вещи, находящейся в собственности. Следует отметить, что семантическое развитие данной лексической единицы

шло по пути дальнейшего расширения, в современном бурятском языке оно достигло высшей степени абстракции и используется для номинации вещи как таковой. В имущественном праве бурят XVIII—XIX вв. не представлено четкого понятия недвижимого имущества. Земля выступает в качестве объекта общего пользования, как источник осуществления витальных возможностей рода в целях удовлетворения потребностей скотоводческого хозяйства.

Заключение

В данной статье подверглись рассмотрению основные родовые наименования имущества бурят XVIII—XIX вв.: *зөөри*, *юмэн*, *зэмсэг*, *бууса*, зафиксированные в уложениях хоринских бурят, законодательных актах, которые регулировали правовые общественные отношения хоринских бурят на протяжении XVIII—XIX вв. Изучение наименований имущества в деловых документах изучаемого периода позволяет углубить знания о природе формирования правового сознания представителей данной культуры, выявить концептуальные основы вербализации представлений об имуществе в бурятском языке.

Определено, что в семантической структуре термина *зөөри*, родового наименования имущества, представлены три дифференциальных признака: обладания определенной вещью, владения и распоряжения ею. В семантической структуре слова *зэмсэг* представлены компоненты «оружие», «конская упряжь», оно эксплицирует нейтральный оттенок. Данное представление подразумевало не только обладание, но и наследование, служило для передачи в качестве приданого или удовлетворения в счет взаимообразного долга. Номадный характер ведения хозяйства послужил причиной распространения наименований движимого имущества, предопределил мотивированность и внутреннюю форму терминов, среди которых *зөөри* демонстрирует понимание собственности как некоей материальной ценности, которую можно *зөөхэ* 'перевести'. Другой термин *зэмсэг* номинирует вид движимого имущества в виде конской упряжи и оружия в качестве находящихся в чьем-то владении и представляющих значимость для обладателя. Наименования недвижимого имущества практически не встречаются в текстах «Степных уложений хоринских бурят». Также можно утверждать, что с изменением образа жизни бурят не все наименования имущества того времени дошли до наших дней именно в том значении, какое они имели в XVIII—XIX вв.

Сокращения

УХР, 1823 — Уложение 1823 г. 11 Хоринских родов.

ПХР, 1808 — Положение 11 Хоринских родов 1808 г. по управлению внутренними делами и судопроизводству № 80.

У, 1788 — Устав 1788 г., летнего среднего месяца 28-го дня.

Список источников

1. Брюханова А. Л., Майоров А. П. Слово зөөри как терминологическое наименование имущества в бурятском языке в XVIII–XIX вв. (на материале «Степных уложений хоринских бурят» и «Степных уложений селенгинских бурят») // Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура. 2018. № 2. С. 8–16.
2. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М. : Языки русской культуры, 1999. 776 с.
3. Виноградов В. В. Проблема авторства и теория стилей. М. : Гослитиздат, 1961. 613 с.
4. Герд А. С. Основы научно-технической лексикографии (как работать над терминологическим словарем). Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. 72 с.
5. Гринев-Гриневич С. В. Терминоведение. М. : Академия, 2008. 304 с.
6. Гылыкова Е. С. Обычное право бурят (историко-правовое исследование) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 21 с.
7. Дамдинов Г. Д. О земельной терминологии бурятского языка // Вопросы литературного бурятского языка. Улан-Удэ, 1963. С. 100–108.
8. Дарбеева А. А. Историческая преемственность в терминологии бурятского языка // История и культура монголоязычных народов: история и традиции : тез. докл. и сообщ. междунар. круглого стола монголоведов. Улан-Удэ, 1989. С. 19–22.
9. Дондуков У.-Ж. Ш. О развитии терминологии в бурятском языке. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1970. 79 с.
10. Едалина А. А. Особенности лексико-семантического поля «Отношение человека к собственности» // Известия Уральского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2010. Т. 72, № 1. С. 93–101.
11. Жалсанова Б. Ц., Курас Л. В. Имущественное право бурят в XIX — начале XX в. // Сибирский юридический вестник. 2017. № 4. С. 11–17.
12. Лотте Д. С. Основы построения научно-технической терминологии. М. : Изд-во АН СССР, 1961. 158 с.
13. Мазурин М. Д. Описи имущества среднерусских монастырей XVII века как источник исторической лексикологии : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2000. 29 с.
14. Попова Л. В. Правда-справедливость и закон в русской языковой картине мира: диахронический аспект // Вестник Челябинского государственного университета. Филологические науки. 2021. № 9 (455). С. 128–134.
15. Смолина К. П. Лексика имущественной сферы в русском языке XI–XVII вв. М. : Наука, 1990. 204 с.
16. Суперанская А. В., Подольская Н. А., Васильева Н. В. Общая терминология: Вопросы теории. М. : URSS, 2009. 243 с.
17. Цибилов Б. Д. Обычное право хоринских бурят: Памятники старомонгольской письменности. Новосибирск : Наука, Сиб. изд. фирма, 1992. 312 с.

Лексикографические источники

18. Бурятско-русский словарь : в 2 т. / отв. ред. Л. Д. Шагдаров, К. М. Черемисов. Т. 1 : А-Н. У-У : БНЦ СО РАН, 2010. 636 с.

References

1. Bryukhanova AL, Mayorov AP. The word zoori as a terminological name of property in the Buryat language in the XVIII–XIX centuries (based on the material of “Steppe codes of the Khorinsky Buryats” and “Steppe codes of the Selenginsky Buryats”). *The Buryat State University bulletin*. 2018;4:8-16. (In Russ.).

2. Vejбickaya A. Semanticheskie universalii i opisaniye yazikov = Semantic universals and language description. Moscow; 1999. 776 p. (In Russ.).
3. Vinogradov VV. Problema avtorstva i teoriya stilej = Authorship Problem and Style Theory. Moscow: Goslitizdat; 1961. 613 p. (In Russ.).
4. Gerd AS. Osnovi nauchno-tehnicheskoi leksikografii kak rabotat nad terminologicheskim slovarem = Fundamentals of scientific and technical lexicography (how to work on a terminological dictionary). Leningrad: Izdatelstvo LGU; 1986. 72 p. (In Russ.).
5. Grinev-Grinevich SV. Terminovedenie = Terminology. Moscow: Akademiya; 2008. 304 p. (In Russ.).
6. Gilikova ES. Obichnoe pravo buryat istoriko-pravovoe issledovanie = Buryat customary law (historical and legal research). Abstract of thesis. Moscow; 2005. 21 p. (In Russ.).
7. Damdinov GD. On the agricultural terminology of the Buryat language. *Voprosi literaturnogo buryatskogo yazika = Questions of the literary Buryat language*. Ulan-Ude; 1963. pp. 100-108. (In Russ.).
8. Darbeevee AA. Historical continuity in the terminology of the Buryat language. In: *Istoriya i kultura mongoloyazichnih narodov, istoriya i tradicii: tezisi dokladov i soobscheniy Mejdunarodnogo kruglogo stola mongolovedov = History and culture of the Mongolian-speaking peoples: history and traditions : abstracts of reports and reports of the international round table of Mongolologists*. Ulan-Ude; 1989. pp. 19-22. (In Russ.).
9. Dondukov UJSh. O razvitii terminologii v buryatskom yazike = On the development of terminology in the Buryat language. Ulan-Ude; 1970. 79 p. (In Russ.).
10. Edalina AA. Features of the lexico-semantic field “The relation of a person to property”. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Setiya 2: Gumanitarnyye nauki = Izvestia of the Ural State University. Series 2: Humanities*. 2010;1:93-101. (In Russ.).
11. Jalsanova BC, Kuras LV. Buryat property law in the XIX — early XX century. *Sibirskii yuridicheskii vestnik = Siberian Legal Bulletin*. 2017;4:11-17. (In Russ.).
12. Lotte DS. Osnovi postroeniya nauchno_tehnicheskoi terminologii = Fundamentals of building scientific and technical terminology. Moscow; 1961. 158 p. (In Russ.).
13. Mazurin MD. Opisi imuschestva srednerusskikh monastirei XVII veka kak istochnik istoricheskoi leksikologii = Inventories of the property of Central Russian monasteries of the 17th century as a source of historical lexicology. Abstract of thesis. Moscow; 2000. 29 p. (In Russ.).
14. Popova LV. Pravda-justice and law in the Russian Language picture of the world: diachronic aspect. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2021;9(455):128-134. (In Russ.).
15. Smolina KP. Leksika imuschestvennoi sfery v russkom yazike XI—XVII vv. = The vocabulary of the property sphere in the Russian language of the XI—XVII centuries. Moscow: Nauka; 1990. 204 p. (In Russ.).
16. Superanskaya AV, Podolskaya NA, Vasileva NV. Obschaya terminologiya: Voprosi teorii = General Terminology: Theoretical Issues. Moscow: URSS; 2009. 243 p. (In Russ.).
17. Cibikov BD. Obichnoe pravo horinskih buryat: Pamyatniki staromongolskoi pismennosti = Customary Law of the Khorin Buryats: Monuments of Old Mongolian Written Language. Novosibirsk: Nauka; 1992. 312 p. (In Russ.).
18. Shagdarov LD, Cheremisov KM. (ed.). Buryatsko-russkii slovar v 2 tomahk = Buryat-Russian Dictionary in 2 volumes. Ulan-Ude; 2010. 636 p. (In Russ.).

Информация об авторах

А. Л. Брюханова — ассистент кафедры филологии стран Дальнего Востока.

Е. А. Бардамова — доктор филологических наук, доцент кафедры русского языка и общего языкознания.

Information about the authors

A. L. Bryukhanova — Assistant of the Department of Philology of the Far East.

E. A. Bardamova — Doctor of Philology, Associate Professor of the Department of Russian Language and General Linguistics.

Статья поступила в редакцию 16.10.2021; одобрена после рецензирования 24.10.2021; принята к публикации 18.01.2022.

The article was submitted 16.10.2021; approved after reviewing 24.10.2021; accepted for publication 18.01.2022.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.